

Л. А. Ильина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Полипредикативные эвиденциальные высказывания с дублированным указанием сенсорного источника информации в языках Северной Азии

На языковом материале текстов ненецкого и селькупского традиционного фольклора выделяются, анализируются и сопоставляются полипредикативные сенсорно-эвиденциальные высказывания особого, вероятно, архаичного типа. В них слуховой (акустический) источник информации о референтной ситуации указывается дублированно – лексической семантикой сказуемого модусной части, роль которого выполняют глаголы слухового восприятия, и грамматической семантикой сказуемого диктумной части, роль которого выполняют аудитивные глагольные формы, также указывающие на слуховое восприятие той же референтной ситуации.

Ключевые слова: языки Северной Азии, сенсорные эвиденциальные лексемы и граммы, полипредикативные сенсорно-эвиденциальные высказывания, сенсорно-эвиденциальный плеоназм.

1. Типологическая специфика исследуемых эвиденциальных высказываний

Рассматриваемый в данной статье тип (или разновидность) полипредикативных эвиденциальных высказываний с семантикой слуховой засвидетельствованности существенно своеобразен и очень редко встречается на документированных срезах языков как Северной Азии, так и Евразии в целом. В настоящее время полипредикативные сенсорно-эвиденциальные высказывания рассматриваемого типа обнаруживаются только в архаичном фольклорном языковом материале четырех самодийских языков (селькупского, ненецкого, энецкого, нганасанского) и языка колымских юкагиров. Наиболее существенная типологическая черта таких сенсорно-эвиденциальных высказываний, общая для самодийских и юкагирских языков, видится в том, что один и тот же слуховой (акустический) источник сведений о засвидетельствованной референтной ситуации указывается в них избыточно, по меньшей мере, – дублированно, причем (что особо существенно) как лексическими, так и морфологическими средствами. На слуховой (акустический) источник информации указывает, во-первых, лексическая семантика сказуемого модусной части, синтаксическую роль которого выполняют глаголы слухово-

Ильина Людмила Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора тунгусо-маньчжуроведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; Ludil60@mail.ru)

го восприятия, во-вторых, грамматическая семантика сказуемого диктумной части, синтаксическую роль которого выполняют глагольные формы слуховой засвидетельствованности – аудитива со специальными морфологическими показателями.

Термином «аудитив» в самодийской традиции обозначается глагольная форма, имеющая свои суффиксальные показатели, способная выполнять роль сказуемого простого предложения и указывающая в подавляющем большинстве документированных употреблений на то, что репрезентированная в предложении референтная ситуация установлена говорящим по ее акустическим признакам посредством слухового восприятия. Эту семантику отражает и традиция перевода на русский язык морфологических показателей самодийского аудитива лексическими эквивалентами ‘слыхать’, ‘слышно’, ‘слышится’. Такой перевод в определенной мере условен, но использовался двуязычными информантами и исследователями, документировавшими тексты самодийского традиционного фольклора. Г. Н. Прокофьев, впервые описавший аудитивные формы в селькупском и ненецком языках, писал: «Аудитив (*auditivum*) выражает действия, устанавливаемые на основании их слышимости. Напр., сидя в чуме, можно заключить о приходе кого-либо по шагам, по слышимому голосу и т. д. На русск. яз. формы аудитива могут быть переводимы с помощью ‘слыхать’» [Прокофьев, 1935, с. 69].

Суффиксальные показатели аудитивных глагольных форм в самодийских языках материально сходны и, возможно, являются этимологически тождественными, т. е. восходят к прасамодийскому языку. Их основные варианты: нен. =*won(o)*-, =*mon(o)*-; энецк. =*onó*-, =*monó*-; нган. =*mini*-, =*munu*-; сельк. =*kunä*-, =*kunĵ*-.

Проблема происхождения показателей самодийского аудитива еще доказательно не решена. На документированных хронологических срезах самодийских языков эти показатели не имеют сколько-нибудь семантически прозрачной внутренней формы. То есть они не мотивированы в документированной синхронии какими-либо знаменательными лексемами с семантикой звучания и слухового восприятия. Но в диахронической ретроспективе такая мотивированность представляется вероятной. В языке традиционного фольклора верхнеколымских юкагиров типологический аналог самодийского аудитива – это бивербальная аналитическая форма: деепричастие на (*l*)*lä* + *mód*= (*mäd*=), восходящий к основе глагола *módi*= (*mädi*=) ‘быть слышным’, звучать’.

Для наглядной иллюстрации типологической специфики исследуемых эвиденциальных высказываний приведем два показательных примера из рано документированных ненецких фольклорных текстов, записанных М. А. Кастреном в середине XIX в. (1) и Т. Лехтисало в начале XX в. (2) и опубликованных Т. Лехтисало с переводом на немецкий язык. Наш перевод этих высказываний с ненецкого языка на русский приближен к буквальному с сохранением порядка слов ненецкого первоисточника. Грамматикализованная сенсорно-эвиденциальная семантика морфологических показателей аудитива переведена приблизительным русским лексическим эквивалентом ‘слышно’.

(1) нен.

Sjundi vaäsakoh jinsilie: niernjäna jien mūnomōndo :

Der Geweihte Alte **lauscht**: In der Richtung nach vorn **hörte man die Laute** von Bogensehen. (Castren, Lehtisalo, 1940, S. 258)

Sjundi	vaäsakoh	jinsilie	niernjäna
Сюнды	старик	слушать=SUBJ:3SG	впереди
jien	mūno=mōn=do'		
тетива NOM.SG	звучать=AUD=3PL		

‘Сюнды старик **слушает**: впереди тетивы (луков) **звучат=слышно**=(они многие).’

(2) нен.

Siβ ðíéé qáq̄r mākk̄q̄d jínš̄l̄é. p̄ĩx̄ĩñ̄é š̄ide q̄āš̄q̄β̄β̄p̄ t̄ō=β̄β̄q̄ñ̄ōn=q̄i''.

Horcht der Siebenklafter-Ostjake vom Zelte aus: **man hört**, dass auf den Hof zwei Männer **gekommen sind**. (Lehtisalo, 1947, S. 87)

siβ	ðíéé	qáq̄r	mākk̄q̄d	jínš̄l̄é
семь	сажень	остяк=POSS:NOM.2SG	чум=ABL.SG	слушать=SUBJ:3SG
p̄ĩx̄ĩñ̄é	š̄ide	q̄āš̄q̄β̄β̄p̄	t̄ō=β̄β̄q̄ñ̄ōn=q̄i''	
снаружи	два	мужчина.ненец=NOM.SG	прийти=AUD=3DU	

‘Тот семисаженный остяк из чума **слушает**: снаружи два мужчины ненца **подъехали=слышно**=(они двое).’

Эти примеры относятся не только к разным хронологическим срезам документирования тундрового наречия ненецкого языка, но и к его разным территориально-диалектным подразделениям (говорам) – западным (1) и восточным (2). Поэтому важно отметить, что приведенные сенсорно-эвиденциальные высказывания структурно и семантически идентичны. В них роль сказуемого модусной части выполняет финитный глагол слухового восприятия с основным значением ‘слушать’ в форме 3-го л. ед. ч. субъектного спряжения: *jínš̄l̄é* (в транскрипции Т. Лехтисало); *инзеле* (в литературной кириллической записи). Его лексическая семантика указывает в (1), (2) на слуховой (акустический) источник информации фольклорных персонажей о референтных ситуациях, репрезентированных в диктумных частях высказываний.

Но существенная типологическая специфика (1), (2), отличающая их от семантически сходных полипредикативных сенсорно-эвиденциальных высказываний многих других языков мира, определяется не модусным предикатом, а грамматико-семантическими особенностями диктумного предиката. Роль сказуемого диктумной части в обоих высказываниях выполняют глагольные формы аудитива с морфологическими суффиксальными показателями в вариантах =*ton*= (=мон=) в (1) и =*β̄β̄q̄ñ̄ōn*= (=ванон=) в (2). Их грамматическая семантика указывает на слуховой (акустический) источник информации фольклорных персонажей о референтных ситуациях, репрезентированных в диктумных частях высказываний (1), (2), как и лексическая семантика их модусного предиката *инзеле* ‘слушать’.

В известной лингво-типологической модели эвиденциальных высказываний, предложенной Н. А. Козинцевой, их семантика дифференцирована на рамочную часть, содержащую модус эвиденциальности (EV), и пропозитивную часть (P), не содержащую указания на источник информации:

Говорящий (Г) сообщает, что [X – субъект модуса EV («хозяин» информации) видел/полагает/узнал, что] P [Козинцева, 1994, с. 93]

Опираясь на модель Н. А. Козинцевой, можно отобразить рассматриваемый в нашей статье тип (разновидность) сенсорно-эвиденциальных высказываний следующей схемой:

Говорящий (Г) сообщает, что [X – субъект модуса EV («хозяин» информации) слушает (слышит, услышал), что] P, услышанная X

В схеме показано, что сенсорно-эвиденциальный модус слуховой засвидетельствованности представлен не только в собственно модусных частях исследуемых полипредикативных эвиденциальных высказываний, но и органично вплетен в их диктумные части, являясь в сущности обязательным грамматико-семантическим компонентом репрезентированных в них диктумных пропозиций. Один и тот же «хозяин» информации (X) – фольклорный персонаж, эксплицитно представленный как субъект слухового восприятия в модусной части, имплицитно представлен в том же качестве и в диктумной части показателем аудитива. Вследствие

этого диктумная пропозиция (Р) предстает не только как внешняя референтная ситуация, а проецируется во внутренний мир субъекта модусной части (Х) как его мысленное толкование или интуитивная догадка, основанные на данных слухового восприятия.

На наш взгляд, сказанное аргументирует формально-структурную и содержательную целостность сенсорно-эвиденциальных высказываний рассматриваемого типа, причем независимо от транзитивности/интранзитивности их модусных предикатов.

Отмеченный феномен избыточного дублированного указания в полипредикативном эвиденциальном высказывании на один и тот же сенсорный источник информации лексическими и морфологическими средствами целесообразно выделить терминологически. Для его терминологического обозначения в данной статье используется термин «сенсорно-эвиденциальный плеоназм». Мы предполагаем, что в архаичных полипредикативных эвиденциальных высказываниях, подобных (1), (2), феномен сенсорно-эвиденциального плеоназма выполняет функцию связи их модусной и диктумной частей. Эта гипотеза верифицируется в дальнейшем изложении.

Полипредикативные сенсорно-эвиденциальные высказывания выделенного типа (разновидности) в настоящее время практически не изучены ни на уровне отдельных языков коренных этносов Северной Азии, ни тем более на уровне межъязыкового сопоставления. Мы полагаем, что они представляют значительный научный интерес для теоретической лингвистики, в частности, в аспектах типологии эвиденциальных высказываний и типологии изъяснительных полипредикативных синтаксических конструкций. В данной статье они рассматриваются преимущественно в аспектах их формально-структурной и функционально-семантической эволюции в диахронии двух сопоставляемых близкородственных языков коренных этносов Северной Азии – ненецкого и селькупского.

2. Сопоставление данных ненецкого и селькупского языков в эволюционно-типологическом аспекте

Мы полагаем, что данные текстов ненецкого и селькупского традиционного фольклора могут быть интерпретированы в аспекте диахронической типологии как отражающие разные стадии эволюции полипредикативных сенсорно-эвиденциальных высказываний (далее – ПСЭВ) рассматриваемого типа (разновидности).

Ненецкие примеры (см. (1)–(8)) интерпретируются как отражающие относительно раннюю стадию эволюции рассматриваемых ПСЭВ, на которой их главный типологический признак – дублированное указание слухового (акустического) источника информации лексическими и морфологическими средствами реализуется эксплицитно.

Селькупские примеры (см. (9)–(18)) интерпретируются как отражающие поздние стадии эволюции рассматриваемых ПСЭВ, на которых их главный типологический признак – дублированное указание слухового (акустического) источника информации лексическими и морфологическими средствами перестает быть облигаторным, становится окказиональным и в итоге полностью утрачивается.

Элиминацию в процессе эволюции рассматриваемых ПСЭВ их главного типологического признака мы интерпретируем в аспекте полипредикативного синтаксиса как смену типа полипредикативных конструкций.

Диахронически ранний и архаичный тип с сенсорно-эвиденциальным плеоназмом, выполняющим функцию связи модусной и диктумной частей, информативно представлен в текстах ненецкого традиционного фольклора. Но в текстах селькупского традиционного фольклора сенсорно-эвиденциальный плеоназм

представлен только в северных диалектах и лишь окказионально. В селькупских ПСЭВ он сменяется другими средствами синтаксической связи модусной и диктумной частей. Этот эволюционный процесс анализируется ниже.

Отметим, что существование особого типа полипредикативных сенсорно-эвиденциальных высказываний было впервые выявлено нами на селькупском языковом материале, информативность которого ограничена (см.: [Ильина, 2004, с. 49–56]). Привлеченный в данной статье информативный ненецкий языковой материал позволяет, на наш взгляд, дополнительно обосновать и положительно верифицировать существование данного типа ПСЭВ в диахронии языков Северной Азии.

2.1. Данные ненецкого языка: сенсорно-эвиденциальный плеоназм. При межъязыковом сопоставительно-типологическом анализе ненецких ПСЭВ (1)–(8) важно обратить внимание на два признака, отличающих их типологически от селькупских ПСЭВ (9)–(13) и свидетельствующих об их относительной архаичности в аспекте диахронической типологии. Во-первых, выполняющий синтаксическую роль сказуемого модусной части ненецких ПСЭВ (1)–(8) глагол *изеле(сь)* (в (3)–(5) – *изеле(сь)*) ‘слушать’ является в ненецком языке непереходным глаголом (см.: [Терещенко, 1947, с. 190]). Это исключает синтаксическую интерпретацию диктумной части таких ПСЭВ как развернутого прямого дополнения. Во-вторых, выполняющие синтаксическую роль сказуемого диктумной части ненецких ПСЭВ глагольные формы аудитива являются по формально-структурным признакам инфинитными формами – отглагольными именами в номинативе и генитиве лично-притяжательного склонения. Г. Н. Прокофьев писал: «По своей форме аудитив ненецкого языка (в отличие от аудитива селькупского языка) не является формой спряжения, а относится к отглагольным именным образованиям. Показателем действующего лица в формах аудитива являются суффиксы именительного и родительного падежа лично-притяжательного склонения» [Прокофьев, 1937, с. 44].

Подчеркнем, что эти формально-структурные признаки аудитива имеют на документированных срезах только этимологическую значимость, поэтому при глоссировании не учитываются.

Приведенные ниже примеры ненецких ПСЭВ (3)–(8) типологически близки к выше рассмотренным примерам (1), (2), но документированы значительно позже в 1950-е – 1960-е гг. Примеры (3)–(5) относятся к западным говорам тундрового наречия ненецкого языка, а примеры (6)–(8) к его восточным говорам.

(3) нен.

Мяд'хазона ти изелем'. Няр'хасава лаханаковондо'.

‘Вот **я слушаю**, [стоя] около чума. **Слышно, говорят** трое мужчин.’ (ЭПН, с. 477, 501)

мяд'	хазона	ти	изеле=м'	няр'
чум.GEN.SG	около	вот	слушать=SUBJ:1SG	три
хасава			лаханако=вон=до'	
мужчина.ненец.NOM.SG			разговаривать=AUD=3PL	

‘Чума около вот **слушаю**: три ненца-мужчины **разговаривают=слышно**=(они многие).’

(4) нен.

Мань юседам', изелем'. Небяв маманода:

‘А я лежу и **слушаю**. Мать, **слышно**, говорит:’ (Там же, с. 239, 251)

мань	юседа=м'	изеле=м'
я 1SG	лежать=SUBJ:1SG	слушать=SUBJ:1SG
небя=в	ма=мано=да	
мать=POSS:NOM.1SG	сказать=AUD=3SG	

‘Я лежу, **слушаю**: мать моя **сказала=слышно**=(она):’

(5) нен.

Мякан тэвван сер' изелем'. Мякнан мун' совонодо'.

‘Когда я подошел к чуму, **слушаю**. В чуме **слышны** голоса.’ (ЭПН, с. 510, 529)

мя=кан	тэв=ва=н	сер=’	
чум=DAT.SG	подойти=VN=GEN.SG	дело=GEN.SG	
изеле=м’	мя=кнан	мун’	со=воно=до’
слушать=SUBJ:1SG	чум=LOC.SG	голос=NOM.PL	слышаться=AUD=3PL

‘К чуму подошёл когда, **слушаю**: в чуме голоса **слышатся=слышно**=(они многие).’

Отметим, что ПСЭВ (3)–(5) в сборнике З. Н. Куприяновой «Эпические песни ненцев» записаны на ненецком языке и переведены на русский не как две части одного полипредикативного предложения, а как два отдельных предложения, следующих в тексте непосредственно друг за другом. На такую трактовку могли ориентировать авторов ЭПН непереходность глагола *изеле(сь)* (< *инзеле(сь)*) и обусловленная этим неясность средств связи, объединяющих эти предложения в полипредикативную синтаксическую целостность. Однако формально-структурная инфинитность аудитивных форм аргументирует их исходную синтаксическую роль диктумных предикатов полипредикативных конструкций, что отражено в наших переводах ПСЭВ (3)–(5). А типологически аналогичные им ПСЭВ (1), (2) и (6)–(8) осмыслены как полипредикативные синтаксические единства не только в наших переводах, но и в источниках.

(6) нен.

Мят тэвы', инзеле: мякна пухуця небяда ярмонда.

‘Он подъехал и **слушает**: в чуме **плачет** старушка-мать.’ (НФ, с. 139, 145)

мя’=т	тэвы=Ø	инзеле=Ø
чум=DAT.SG	доехать=SUBJ:3Sg	слушать=SUBJ:3SG
мя=кна	небя=да	яр=мон=да
чум=LOC.SG	старуха.мать=POSS:NOM.3SG	плакать=AUD=3SG

‘К чуму подъехал он, **слушает**: в чуме старушка-мать его **плачет=слышно**=(она).’

(7) нен.

Тарем' инзелем': Тет-Няръяна-Тын хадырмонондо'.

‘Так **слышу**: Четверка-моих- Красных-Оленей **пасется**.’ (ФН, с. 276–277)

тарем’	инзеле=м’	Тет-Няръяна-Ты=н
так	слушать=SUBJ:1SG	четыре=красный=олень=мои (многие)
	хадыр=монон=до’	
	пасть=AUD=3PL	

‘Так **слушаю**: четыре красных оленя моих **пасутся=слышно**=(они многие).’

(8) нен.

Тарем' инзеледм', Тасиняңы-Ерв пыда мамонда:

‘**Слышу**, как Предводитель-Тасиняңы **говорит**:’ (Там же, с. 294, 295)

тарем’	инзеле=дм’	Тасиняңы-Ерв	пыда
так	слушать=SUBJ:1SG	Тасиняңы-Хозяин	он
	ма=моно=да		
	сказать=AUD=3SG		

‘Так **слушаю**: Тасиняңы хозяин он **сказал=слышно**=(он):’

Мы полагаем, что в ненецких ПСЭВ (1)–(8) взаимное дублирование сенсорно-эвиденциальной семантики слуховой засвидетельствованности лексической семантикой модусного предиката *инзеле(сь)* ‘*слушать*’ и грамматической семантикой диктумного предиката – формы аудитива является главным средством связи модусной и диктумной частей. Эта двусторонняя семантическая связь (взаимо-

связь), названная нами сенсорно-эвиденциальным плеоназмом, вероятно, является древней и архаичной, лишь остаточно сохранившейся на документированных срезах самодийских и юкагирских языков.

Вместе с тем есть основания полагать, что уже в архаичном языке традиционного ненецкого фольклора стали вырабатываться и другие, дополнительные средства синтаксической связи модусной и диктумной частей подобных ПСЭВ. Они требуют специального исследования, но все же обратим внимание на употребление в (7), (8) перед модусным предикатом *инзеле(сь)* 'слушать' наречия *тарем* 'так'. Позиционно оно локализовано в модусной части, но семантически обозначает диктумную часть, свернуто представляет ее в модусной части и логически выделяет. Поэтому формула 'так слушаю:' в (7), (8) выполняет, на наш взгляд, роль скрепы модусной и диктумной частей, служит дополнительным средством их синтаксической связи.

Если руководствоваться формально-структурными критериями, то ненецкие ПСЭВ (1)–(8) должны быть определены как монофинитные полипредикативные конструкции, поскольку в них формы аудитива суть инфинитные формы – отглагольные имена в номинативе и генитиве лично-притяжательного склонения. Но если опираться на функционально-семантические критерии, то эти ПСЭВ должны быть определены как бифинитные полипредикативные конструкции, поскольку ненецкие формы аудитива на документированных срезах встречаются только в роли сказуемого и не встречаются в других синтаксических ролях, типичных для отглагольных имен действия в номинативе и генитиве.

Поэтому при определении ненецких ПСЭВ (1)–(8) в аспекте их монофинитности/бифинитности важно учитывать языковой эволюционный процесс. В диахронической ретроспективе ненецкие ПСЭВ, подобные (1)–(8), были монофинитны. Однако в процессе языковой эволюции происходила функционально-семантическая финитизация форм аудитива и такие ПСЭВ постепенно становились бифинитными.

В контексте проблемы финитности/инфинитности предикатов ненецких ПСЭВ важным представляется сказать о фактах употребления в роли сказуемого их модусных частей глаголов слухового восприятия не только в финитных, как в (1)–(8), а в инфинитных по формальной структуре, а следовательно, и по происхождению, формах. Это, например, форма аудитива от глагола *со(сь)* 'быть слышимым', 'слышаться' и условно-деепричастная форма от глагола *инзеле(сь)* 'слушать'.

На документированных срезах эти инфинитные по происхождению формы уже, вероятно, функционально-семантически финитизированы в ненецких ПСЭВ. Но их исходная инфинитность дополнительно аргументирует доминирование в этих ПСЭВ сенсорно-эвиденциального плеоназма как средства связи их модусной и диктумной частей.

Такие ненецкие ПСЭВ нам сейчас не вполне понятны. Их аналогов нет в сопоставляемом селькупском языковом материале. Поэтому их рассмотрение не входит в задачи данной статьи.

2.2. Данные селькупского языка: становление подчинительной связи. Формы аудитива с показателем *=kunä=* (*=kunj=*) документированы только в северных диалектах селькупского языка, главным образом, в среднетазовском диалекте (говоре). В южноселькупских диалектах формы аудитива на документированных срезах доказательно не выявлены. Но данные северноселькупских диалектов, северносамодийских языков и ряд южноселькупских языковых фактов дают основание полагать, что в недавней диахронической ретроспективе формы аудитива существовали и в южноселькупских диалектах.

В отличие от ненецких ПСЭВ (1)–(8), в приведенных ниже северноселькупских ПСЭВ (9)–(13) выполняющие синтаксическую роль сказуемого модус-

ной части глаголы слухового восприятия *ünty(qo)* ‘слышать’ в (9), (11) и *üñkyltymru(qo)* ‘слушать’ в (10), (12), (13) являются, во-первых, переходными глаголами с объектной валентностью, во-вторых, употреблены в объектном спряжении, лично-числовые показатели которого кумулятивно указывают на наличие прямого объекта (слышит= это он.; слушает= это он:). Следовательно, имеются серьезные основания для трактовки диктумной части в северноселькупских ПСЭВ (9)–(13) как развернутого прямого дополнения, а самих этих ПСЭВ как изъяснительных полипредикативных конструкций с односторонней подчинительной связью. При этом в северноселькупских ПСЭВ (9)–(13) еще сохраняется и сенсорно-эвиденциальный плеоназм. Но он, вероятно, уже не является главным средством связи модусной и диктумной частей и постепенно редуцируется.

(9) сельк.

(*Йомпа*) *ukkyr çonDõqyt niçik ynDьñiti: qur tap paçitъkunæ.*

‘(Йомпа) вдруг так слышит: человек это рубит (слыхать).’ (Прокофьев, 1935, с. 104)

ukkyrçonDõ=qyt	niçik	ynDьñiti=ть:
один середина=LOC.SG	так	слышать=OBJ:3SG
qur	tap	paçitъ=kunæ=Ø
человек	это	рубить=AUD=SUBJ:3SG

‘(Йомпа – герой мифов) в один момент (букв.: одного в промежутке) так слышит: человек это рубит=слышно=(он).’

(10) сельк.

(*Ича*) *Ukkyr contõti üñkyltymraty: lõs-ira tükynä sumpärtympylä.*

‘Вдруг услышал: черт-старик слышать пришел напевая.’ (ОЧСЯ, с. 19, 58)

ukkyr	contõ=t	üñkyltymra=ty:	lõs-ira
один	середина=GEN.SG	слушать=OBJ:3SG	злой дух
tü=kynä=Ø	sumpärtymru=lä		
прийти=AUD=SUBJ:3SG	петь=CV		

‘(Ича – герой мифов) однажды слушает: черт-старик пришел=слышно=(он) напевая.’

(11) сельк.

Ukkyr contõqyt pit contyl' kotäqyt aj nil'cyk üntyñnyty: aj kos qaj na tükunä.

‘Вдруг в полночь опять так (=вот что) услышал: опять кто-то пришел.’ (Там же, с. 38, 83)

ukkyr	contõ=qyt	pi=t	contyl'	kotäqyt	aj	nil'cyk
один	середина=LOC.SG	ночь=GEN.SG	в	серединеопять	так	
üntyñny=ty	aj	kos qaj	na	tü=kunä=Ø		
слышать=OBJ:3SG	опять	кто-то	PARTCL	прийти=AUD=SUBJ:3SG		

‘Однажды в полночь опять так слышит: опять кто-то вот пришел=слышно=(он).’

(12) сельк.

капија Ш'ил'ша Пал'ша ондъ үñкыл'димпаты на таннын та коннә курыл'л'е тап түкунә курыл'л'е тап түкунә. (МЭ)

капија	Ш'ил'ша	Пал'ша	ондъ	үñкыл'димпа=ты	на
однако	Сылча.Палча		сам	слушать=OBJ:3SG	вон
таннын	коннә	куры=л'л'е	тап	tү=кунә=Ø	
тот	вверх	бегать=CV	вот	прийти=AUD=SUBJ:3SG	
куры=л'л'е	тап	tү=кунә=Ø			
бегать=CV	вот	прийти=AUD=SUBJ:3SG			

‘Однако Сылча Палча сам слушает: вон тот на берег, топая, вот пришел=слышно=(он), топая, вот пришел=слышно=(он).’

(13) сельк.

Нын ш'иттал на ија тйльчикуня – иматя йжкытимпаты. (МЭ)

нын	ш'иттал	на	ија	тйльчи=куня=Ø
потом	вторично	этот	парень	дойти=AUD=SUBJ:3SG
има=тә		йжкытимпа=ты		
жена=POSS:NOM.3SG		слушать=OBJ:3SG		

‘Потом вторично этот парень **подъехал=слышно**=(он) – жена его **слышит (слушает)** это.’

В отличие от ненецких ПСЭВ (1)–(8) северноселькупские ПСЭВ (9)–(13) безусловно являются бифинитными полипредикативными конструкциями, поскольку формы аудитива, выполняющие в них роль сказуемого диктумной части, – это формы финитного глагола не только по функционально-семантическим, но и по формально-структурным признакам. В (9)–(13) аудитив представлен только формами 3-го л. ед. ч. субъектного спряжения как переходного глагола в (9), так и непереходных глаголов в (10)–(13). Но Г. Н. Прокофьевым в 1920-е гг. документировано употребление северноселькупского аудитива также и в объектном спряжении (см.: [Прокофьев, 1935, С. 69–70]). Е. А. Хелимский, работая в 1970-е гг. методом лингвистического эксперимента с информантами-селькупами старшего поколения, восстановил полную лично-числовую парадигму аудитива средне-тазовского диалекта (говора) северных селькупов (см.: [Хелимский, 1993, с. 369]).

Е. А. Хелимский считал показатели аудитива северносамодийских языков и селькупского языка «этимологически родственными» [Кузнецова и др., 1980, с. 247]. Если это так, то высоко вероятно, что в недокументированной диахронической ретроспективе селькупского языка формы аудитива тоже были инфинитными формами, подобными ненецким, т. е. отглагольными именами с лично-притяжательными показателями. Следовательно, в диахронии селькупского языка тоже происходил эволюционный процесс функционально-семантической финитизации форм аудитива. Но в отличие от ненецкого языка, в селькупском языке этот процесс получил дальнейшее развитие и привел к их формально-структурной финитизации – включению в лично-числовую парадигму финитного глагола.

В контексте эволюционно-типологических параллелей селькупских и ненецких ПСЭВ отметим употребление в (9), (11) перед модусными предикатами наречия *ničik* ‘так’, образующего формулу ‘так слышит:’. Здесь видится близкая функционально-семантическая аналогия с рассмотренным выше употреблением в ненецких ПСЭВ (7), (8) наречия *тарем* ‘так’ и формулой ‘так слушаю:’. Но если в ненецких ПСЭВ наречие *тарем* ‘так’ используется перед непереходным глаголом слухового восприятия, то в селькупских ПСЭВ наречие *ničik* ‘так’ употреблено перед переходным глаголом слухового восприятия, причем в форме объектного спряжения. Возможно, что в процессе эволюции рассматриваемых самодийских ПСЭВ типичное употребление формулы ‘так слушать (слышать):’ было одним из факторов транзитивации модусного предиката. На наш взгляд, в северноселькупских ПСЭВ (9)–(13) транзитивный модусный предикат в объектном спряжении уже стал выполнять роль главного средства связи модусной и диктумной частей.

Логично полагать, что конституирование в роли модусного предиката северноселькупских ПСЭВ, подобных (9)–(13), транзитивных глаголов слухового восприятия, особенно в объектном спряжении, сформировало в этих ПСЭВ новый способ связи модусной и диктумной частей, что закономерно обусловило редуцирование прежнего, диахронически раннего и архаичного способа их связи, доминирующего в ненецких ПСЭВ (1)–(8) и названного нами сенсорно-эвиденциальным плеоназмом.

2.3. Данные селькупского языка: редуцирование и элиминация сенсорно-эвиденциального плеоназма. В северноселькупских (тазовских) материалах 1970-х гг. (опубликованных и полевых) аудитив встречался очень редко и, как правило, только в ПСЭВ, подобных (9)–(13). Но и в них аудитив в роли диктумного предиката типично заменялся другой, более абстрактной семантически эвиденциальной формой – латентивом с показателями $=\langle n \rangle t=$ в настоящем времени и $=mmjnt=$ (с вариантами) в прошедшем времени (см.: [Кузнецова и др., 1980, с. 240–243, 247]). Такую замену аудитива латентивом иллюстрируют приведенные примеры северноселькупских ПСЭВ (14), (15).

(14) сельк.

Mattympaty pōmtu, ukkyr contōt üjkylympaty: ijal'ä cūrynty.

‘Рубит дерево, вдруг **слышит**: ребенок **плачет**.’ (ОЧСЯ, 1993, с. 42, 87)

mattympa=ty	rō=mtu	ukkyr	contō=t
рубить=OBJ:3SG	дерево=POSS: ACC3SG	один	середина=GEN.SG
üjkylympa=ty	ija=l'a	cūry=nt=y	
слушать=OBJ:3SG	ребёнок=DIM	плакать=LAT.Pres=	SUBJ:3SG

‘Рубит дерево, вдруг **слушает** ребёнок **плачет=кажется**=(он).’

(15) сельк.

Ira aj mattympaty pōmtu, üjkylympaty: kana-ija läqymmynty.

‘Старик опять рубит дерево, **слышит**: щенок **визжит**.’ (Там же, с. 42, 86)

ira	aj	mattympa=ty	rō=mtu
старик	опять	рубить=OBJ:3SG	дерево=POSS:ACC.3SG
üjkylympa=ty	kana-ija	läqy=mmynt=y	
слушать=OBJ:3SG	собака=дитя	визжать=LAT.Past=	SUBJ: 3SG

‘Старик опять рубит дерево, **слушает**: щенок **визжал=кажется**=(он).’

Селькупскому латентиву посвящен ряд недавних специальных работ отечественных лингвистов (см.: [Ильина, 2013; Урманчиева, 2014; 2015]). Это в высокой степени полисемичная и многофункциональная форма косвенной эвиденциальности, которая на поздних документированных срезах модализована, особенно в южноселькупских диалектах. Ее диахронически ранняя базовая семантика существенно отличалась от базовой семантики аудитива, поскольку была связана не со слуховым, а с неотчетливым зрительным восприятием ситуации (издалека, смутно, мельком, в сакральном сне). Перевод морфологических показателей латентива в (14), (15) русским словом ‘кажется’ условен. Но он в определенной мере отражает базовую эвиденциальную семантику латентива и призван показать, что она более абстрактна, чем у аудитива, и не дублирует в диктумных частях ПСЭВ (14), (15) указание их модусных предикатов на слуховой (акустический) источник информации.

В северноселькупских (тазовских) фольклорных текстах, записанных в 1970-е гг., латентив уже почти полностью вытеснил аудитив и употреблялся в роли сказуемого диктумной части полипредикативных эвиденциальных высказываний не только традиционно – с глаголами зрительного восприятия в роли сказуемого модусной части, но и вместо аудитива с глаголами слухового восприятия, как в (14), (15).

Приведенный ниже южноселькупский пример (16), взятый из архаичного текста героической песни, записанной М. А. Кастреном на Средней Оби в середине XIX в., косвенно аргументирует, что аналогичный эволюционный процесс вытеснения аудитива латентивом мог иметь место и в недокументированной диахронии южноселькупских диалектов.

(16) сельк.

üngalžek, sūrup čāžand, mannambad, mādur čāžand, keba kuenek čāžand.

Er **hört**, ein Vogel **kommt**, er sieht, der Held kommt, der kleine Schwager kommt.
(Castren, Lehtisalo, 1940, S. 321)

üngalž=ek	sūrup	čāža=nd=Ø
слушать=SUBJ:3SG	птица	идти=LAT.Pres=SUBJ:3SG
mannamba=d	mādur	čāža=nd=Ø
смотреть=OBJ:3SG	богатырь	идти=LAT.Pres=SUBJ:3SG
keba	kuenek	čāža=nd=Ø
маленький	зять	идти=LAT.Pres=SUBJ:3SG

‘**Слушает** он: птица **летит=кажется** (она), **смотрит** он: мадур (богатырь) **идёт=кажется** (он), младший зять **идет=кажется** (он).’

В наиболее раннем хронологически южноселькупском примере (16) представлены два полипредикативных эвиденциальных высказывания. В них один и тот же диктумный предикат *čāžand* ‘идет’, ‘движется’ употреблен в форме латентива и при глаголе слухового восприятия, и при глаголе зрительного восприятия в роли модусных предикатов. В первом случае по аналогии с северноселькупскими примерами (14), (15) логично предположить замену латентивом аудитива. Но в известном нам южноселькупском языковом материале прямых фактологических доказательств этого нет.

Отметим типологическую параллель приведенных селькупских данных с данными обско-угорского хантыйского языка, связанного с селькупским языком генетически и ареально-контактно. В ряде работ Н. Б. Кошкаревой выделены и описаны полипредикативные конструкции (дополнительные и подлежащие) с семантикой слуховой и зрительной засвидетельствованности. В них роль сказуемого модусной части выполняют финитные глаголы слухового и зрительного восприятия, а роль сказуемого диктумной части – инфинитные (причастные) по происхождению формы, которые в предикативном употреблении типично выражали семантику косвенной засвидетельствованности (см.: [Кошкарева, 1991, с. 103; 2004, с. 50–51]). По мнению М. И. Черемисиной и Н. Б. Кошкаревой, эти хантыйские формы в роли зависимых диктумных предикатов эвиденциальной семантики не выражали [Черемисина, Кошкарева, 2004, с. 783]. Но возможно, это было обусловлено их функционально-семантической эволюцией в направлении дальнейшей грамматикализации, вплоть до эвиденциальной десемантизации. На селькупском языковом материале тоже прослеживается процесс утраты диктумными предикатами эвиденциальной семантики.

В южноселькупских диалектах на их наиболее документированных хронологических срезах 1960-х – 1970-х гг. формы латентива модализованы и выражают семантику не косвенной эвиденциальности, а вероятностного предположения. Их употребление в роли сказуемого диктумной части рассматриваемых ПСЭВ окказионально. Типично в этой роли стали употребляться эвиденциально нейтральные формы индикатива, что иллюстрируется примерами (17), (18).

(17) сельк.

Печонж’от üntelǰž’ulde куч’атта тук! тук! ында тõ:шпа.

‘В полночь **слышит**: где-то тук! тук! **Слышит**: **идет** кто-то.’ (Дульзон, 1966, с. 117, 147)

пе=чонж’(о)=г	üntelǰž’ul=de	куч’ат=та
ночь=середина=GEN.SG	слышать=OBJ:3SG	где=то
тук! тук!	ында	тõ:шпа=Ø
тук! тук!	слышно	приходить=IND.Pres.SUBJ:3SG

(18) сельк.

Варг н'ен'ат ёндьд'ет: пажага каипт авешпат.

‘Старшая сестра его слышит: старуха что-то (кого-то) поедает.’ (МЭ)

варг	н'ен'а=т	ёндьд'е=т	пажага
большой	сестра=POSS: NOM.3SG	слышать=OBJ:3SG	старуха
каипт	авешпа=т		
что-то	съесть=IND.Pres.OBJ:3SG		

Таким образом, данные селькупского языка показывают, что вслед за утратой рассматриваемыми ПСЭВ дублированного указания на слуховой (акустический) источник информации диктумные предикаты этих ПСЭВ постепенно утратили и более абстрактную латентивную семантику косвенной эвиденциальности, стали эвиденциально нейтральными. Сенсорная эвиденциальная семантика слуховой засвидетельствованности стала выражаться только лексически – глаголами слухового восприятия, выполняющими роль сказуемого модусной части.

Выводы

Сопоставление в эволюционно-типологическом аспекте данных двух близкородственных самодийских языков – ненецкого и селькупского дает основание для выделения трех стадий эволюции полипредикативных сенсорно-эвиденциальных высказываний с семантикой слуховой засвидетельствованности.

Первая, диахронически ранняя стадия, выделяется по данным архаичного языка традиционного фольклора тундровых ненцев. На этой стадии главным средством связи модусной и диктумной частей рассматриваемых ПСЭВ служит их семантическая взаимозависимость: дублированное указание лексическими и морфологическими средствами слухового (акустического) источника информации:

а) лексической семантикой сказуемого модусной части, роль которого выполняет непереходный глагол слухового восприятия;

б) грамматической семантикой сказуемого диктумной части, роль которого выполняет сенсорно-эвиденциальная глагольная форма аудитива.

Выделенный семантический способ связи обозначен в статье термином «сенсорно-эвиденциальный плеоназм».

Вторая стадия эволюции рассматриваемых ПСЭВ выделяется по данным языка традиционного фольклора северных (тазовских) селькупов, документированного преимущественно в 1970-е гг. На этой стадии сенсорно-эвиденциальный плеоназм еще частично и остаточно сохранялся в ряде ПСЭВ, но даже в них перестал быть главным средством связи модусной и диктумной частей. Во-первых, в северноселькупских ПСЭВ, в отличие от ненецких ПСЭВ, роль сказуемого модусной части выполняли переходные глаголы слухового восприятия, причем в объектном спряжении. Это интерпретируется в статье как становление односторонней подчинительной связи модусной и диктумной частей. Во-вторых, в северноселькупских ПСЭВ, в отличие от ненецких ПСЭВ, аудитив в роли сказуемого диктумной части перестал быть облигаторным и, как правило, заменялся другой, более абстрактной семантически эвиденциальной формой – латентивом, не указывающим на слуховой (акустический) источник информации. Тем самым дублированное указание на данный источник информации утрачивалось в северноселькупских ПСЭВ. Но при этом в их диктумных частях оставалась морфологически выраженная латентивом семантика косвенной засвидетельствованности.

Третья, диахронически поздняя стадия эволюции рассматриваемых ПСЭВ выделяется по данным южноселькупских диалектов второй половины XX в. На этой стадии сенсорно-эвиденциальный плеоназм полностью утрачен и южноселькупские ПСЭВ стали типичными изъяснительными полипредикативными конструкциями с подчинительной связью. Слуховой (акустический) источник информации указывался только лексической семантикой глаголов слухового восприятия, вы-

полняющих роль сказуемого модусной части – главной предикативной единицы. А роль сказуемого диктумной части – зависимой предикативной единицы, как правило, выполняли формы индикатива, которые в южноселькупских диалектах второй половины XX в. были эвиденциально нейтральны.

Список литературы

Ильина Л. А. Язык традиционного фольклора в новом поколении учебников: архаичный тип селькупских полипредикативных изъяснительных предложений // Создание нового поколения учебников для высших учебных заведений по языкам коренных народов Сибири: Материалы Междунар. симпоз., 25–27 октября 2004 г., Новосибирск. Новосибирск, 2004. С. 46–57.

Ильина Л. А. Селькупская глагольная граммема «косвенной зрительной засвидетельствованности»: исключение или типологическая закономерность? // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 152–159.

Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.

Кошкарева Н. Б. Конструкции с инфинитивными формами глагола в хантыйском языке (на материале западных диалектов): Дис. ...канд. филол. наук. Новосибирск, 1991. 161 с.

Кошкарева Н. Б. Способы выражения модус-диктумных отношений в уральских языках Сибири (на материале хантыйского и ненецкого языков) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2004. Т. 3, вып. 1: Филология. С. 49–63.

Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку (тазовский диалект). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 407 с.

Прокофьев Г. Н. Селькупская грамматика. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 132 с.

Прокофьев Г. Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М.; Л., 1937. С. 5–52.

Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. 271 с.

Урманчиева А. Ю. Эвиденциальные показатели селькупского языка: соотношение семантики и прагматики в описании глагольных граммем // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 66–86.

Урманчиева А. Ю. От имперфективности к эвиденциальности (на материале тазовского диалекта селькупского языка) // Тр. Ин-та лингвистических исследований. Изд-во Ин-та лингвистических исследований РАН. СПб., 2015. С. 199–220.

Хелимский Е. А. Селькупский язык // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 356–372.

Черемисина М. И., Кошкарева Н. Б. Сложное и осложненное предложение в хантыйском языке // Черемисина М. И. Избр. тр. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. С. 740–804.

Список источников

Дульзон А. П. Селькупские сказки // Языки и топонимия Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1966. С. 96–158.

МЭ – Материалы экспедиций 1960–1970 гг. под рук. А. И. Кузьминой.

НФ – Ненецкий фольклор / Сост. З. Н. Куприянова. Л.: Учпедгиз, 1960. 293 с.

ОЧСЯ – *Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 196 с.

Прокофьев Г. Н. Селькупская грамматика. Л., 1935. 132 с.

ФН – Фольклор ненцев. Новосибирск: Наука, 2001. 504 с.

ЭПН – Куприянова З. Н. Эпические песни ненцев. М.: Наука, 1965. 782 с.
Castren M. A., Lehtisalo T. Samojedische Volksdichtung. Helsinki, 1940. 350 S.
Lehtisalo T. Juraksamojedische Volksdichtung. Helsinki, 1947. 615 S.

Список условных обозначений и сокращений

1SG – личный аффикс 1-го лица единственного числа; **2SG** – личный аффикс 2-го лица единственного числа; **3DU** – личный аффикс 3-го лица двойственного числа; **3PL** – аффикс 3-го лица множественного числа; **3SG** – личный аффикс 3-го лица единственного числа; **нган.** – нганасанский язык; **нен.** – ненецкий язык; **сельк.** – селькупский язык; **энецк.** – энецкий язык; **ACC** – винительный падеж; **ABL** – отложительный падеж; **ADV** – наречие; **AUD** – форма аудитива; **CV** – деепричастие; **DAT** – дательный падеж; **DIM** – уменьшительный аффикс; **GEN** – родительный падеж; **IND** – индикатив; **LOC** – местный падеж; **NOM** – именительный падеж; **OBJ** – объектное спряжение; **Past** – прошедшее время; **PL** – множественное число; **POSS** – притяжательный аффикс; **Pres** – настоящее время; **PARTCL** – частица; **SG** – единственное число; **SUBJ** – субъектное спряжение; **VN** – глагольное имя; = – морфемный шов.

L. A. Ilyina

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, Ludil60@mail.ru*

Poly-predicative evidential utterances involving double marking of sensory perception source of information in North Asian languages

The paper for the first time identifies, analyzes, and comparatively studies poly-predicative sensory-evidential utterances of a specific, probably, archaic character. The research data were the traditional Nenets and Selkup folklore texts and language materials never represented earlier in the linguistic study under the question. The typologically significant feature of these sensory-evidential utterances is that the identical audio (acoustic) information source is doubly marked, with both lexical and morphological means being used. These are a modus lexical auditive verb predicate component and a grammatical dictum predicate component, involving grammaticalized and specially marked auditive morphological formants. The paper proves that mutual duplication of the audio (acoustic) information source indication using both lexical modus predicate semantics and grammatical dictum predicate semantics may appear to be a major and, probably, the only syntactic link of modus and dictum components in the diachronic retrospective.

Basing on the comparative study of the Nenets and Selkup language data in an evolutionarily typological aspect, the evolution of the sensory-evidential utterances is empirically identified, that is, their loss of the archaic syntactic linking means, denoted by the term “lexical and grammatical pleonasm,” and their transformation into poly-predicative syntactic complement subordination constructions.

Keywords: North Asian languages, sensory evidential lexemes, polypredicative sensory-evidential utterances, sensual and evidential pleonasm.

DOI 10.17223/18137083/67/18

References

Cheremisina M. I., Koshkareva N. B. Slozhnoye i oslozhnennoye predlozheniye v khandyyskom yazyke [The complex and expanded sentence in the Khanty language]. In: Cheremisina M. I. *Izbr. tr. Teoreticheskiye problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem* [Selected works. Theoretical problems of the syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 2004, pp. 740–804.

Ilyina L. A. Yazyk traditsionnogo fol'klora v novom pokolenii uchebnikov: arkhainyy tip sel'kupskikh polipredikativnykh iz'yasnitel'nykh predlozheniy [Language of the traditional folklore in the new generation of manuals: archaic type of the of the Selkup poly-predicative sentences]. In: *Sozdaniye novogo pokoleniya uchebnikov dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy po yazykam korennykh narodov Sibiri: Materialy Mezhdunar. simpoz., 25–27 oktyabrya 2004 g., Novosibirsk*

[Creation of a new generation of textbooks for higher education institutions in languages Indigenous peoples of Siberia: Materials of the Intern. symposium. Oct. 25–27, 2004, Novosibirsk]. Novosibirsk, 2004, pp. 46–57.

Il'ina L. A. Sel'kupsкая glagol'naya grammema "kosvennoy zritel'noy zasvidetel'stvovannosti": isklyucheniye ili tipologicheskaya zakonomernost'? [Selkup verbal grammeme of "indirect visual evidence": an exception or typological regularity?]. *Siberian Journal of Philology*. 2013, no. 1, pp. 152–159.

Khelimskiy E. A. Sel'kupskiy yazyk [The Selkup (Ostyak Samoyed) language]. In: *Yazyki mira: Ural'skie yazyki* [Languages of the world: Uralic languages]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 356–372.

Koshkareva N. B. *Konstruktsii s infinitivnymi formami glagola v khantyyskom yazyke (na materiale zapadnykh dialektov)* [The non-finite verbal constructions in the Khanty language (based on the Northern dialect materials)]. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 1991, 161 p.

Koshkareva N. B. Sposoby vyrazheniya modus-diktumnykh otnosheniy v ural'skikh yazykakh Sibiri (na materiale khantyyskogo i nenetskogo yazykov) [Ways of expressing modus-dictum relations in the Ural languages of Siberia (on the material of the Khanty and Nenets languages)]. *Vestnik Novosibirsk State Univ. Ser. History and Philology. Vol. 3, iss. 1, Philology*. 2004, pp. 49–63.

Kozintseva N. A. Kategoriya evidentsial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza) [The category of evidentiality (problems of typological analysis)]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1994, no. 3, pp. 92–104.

Kuznetsova A. I., Khelimskiy E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku (tazovskiy dialekt)* [Essays on the Selkup language (Taz dialect)]. Moscow, MSU Publ., 1980, 407 p.

Prokof'yev G. N. *Sel'kupsкая grammatika* [The Selkup grammar]. Leningrad, Izd. Inst. narodov Severa TSIK SSSR, 1935, 132 p.

Prokof'yev G. N. Nenetskiy (yurako-samoyedskiy) yazyk [Nenets (Yurak-Samoyedic) Language]. In: *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. Ch. 1* [Languages and writing of the peoples of the North. Pt 1]. Moscow, Leningrad, 1937, pp. 5–52.

Tereshhenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (yurako-samoedskogo) yazyka* [Essay on the grammar of the Nenets (Yurak-Samoyedic) language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947, 271 p.

Urmanchiyeva A. Yu. Ot imperfektivnosti k evidentsial'nosti (na material tazovskogo dialekta sel'kupskogo yazyka) [From imperfectivity to evidentiality (on the material of the Taz-river dialect of Selkup language)]. In: *Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy. Izd. Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Proceedings of the Inst. of Linguistic Studies. Publ. house of the Inst. of linguistic studies of the RAS]. St. Petersburg, 2015, pp. 199–220.

Urmanchiyeva A. Yu. Evidentsial'nyye pokazateli sel'kupskogo yazyka: sootnosheniye semantiki i pragmatiki v opisaniy glagol'nykh grammem [Markers of evidence in Selkup language: Correspondence of semantics and pragmatics in description of the verbal grammemes]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2017, no. 4, pp. 66–86.

List of sources

Castren M. A., Lehtisalo T. *Samojedische Volksdichtung*. Helsinki, 1940, 350 p.

Dul'zon A. P. Sel'kupskiye skazki [Selkup Tales]. In: *Yazyki i toponimiya Sibiri* [Languages and toponymy of Siberia]. Tomsk, TSU Publ., 1966, pp. 96–158.

Fol'klor nencev [Folklore of the Nenets]. Novosibirsk, Nauka, 2001, 504 p.

Kupriyanova Z. N. *E'picheskie pesni nencev* [Epic songs of the Nenets]. Moscow, Nauka, 1965, 782 p.

Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Ioffe L. Yu., Khelimskiy E. A. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Moscow, MSU Publ., 1993, 196 p.

Lehtisalo T. *Juraksamojedische Volksdichtung*. Helsinki, 1947, 615 p.

Materialy ekspeditsiy 1960–1970 gg. pod ruk. A. I. Kuz'minoy [Materials of Expeditions of 1960–1970 under the leadership of A. I. Kuzmina].

Nenetskiy fol'klor [Nenets Folklore]. Z. N. Kupriyanova (Comp.). Leningrad, Uchpedgiz, 1960, 293 p.

Prokof'yev G. N. *Sel'kupsкая grammatika* [The Selkup grammar]. Leningrad. 1935, 132 p.